

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Г. Нагель-Доцекаль

Чего пытается достичь феминистская теория науки?*

Нагель-Доцекаль Герта – доктор философии, профессор. Австрийская академия наук. Австрия, г. Вена, 1010, Др. Игнац Зайпель Платц, д. 2; e-mail: Herta.Nagl@univie.ac.at

В пяти вступительных замечаниях объясняется концепция феминистской теории и подчеркивается, что этот исследовательский проект представляет собой не единый образ мысли, но комплексный дискурс, который фокусируется на том факте, что во всех сферах жизни отношения полов отличаются асимметричными структурами, навязывающими дискриминацию и угнетение по отношению к женщинам. Показывается, что цель феминистской теории – не создание новой академической дисциплины, но использование заботы о справедливых отношениях между полами в качестве критического инструмента, который может применяться во всем спектре наук, как гуманитарных, так и естественных. Во втором разделе статьи объясняется важность различия «пол/гендер» и демонстрируется, какими способами тела обычно оказывались связаны с социальными нормами. Как свидетельствует критический анализ, любые представления о гендерно зависимом общественном устройстве основаны на натуралистической ошибке и неспособности признать значение индивидуальных различий как главной характерной черты человеческих существ. Указывается, что традиционные представления об отчетливых различиях гендерных ролей вызвали известное явление феминизации нищеты. Краткий обзор развития феминистской критики науки показывает, что эта критика основана на общих «неклассических» подходах в эпистемологии и философии науки: от постпозитивистской философии науки до деконструктивизма. Обсуждаются противоречия между различными феминистскими подходами, выявляются недостатки радикальных конструктивистских заявлений. В качестве главной задачи феминистского проекта называется исследование гендерной зависимости основополагающих убеждений, институциональных структур и социальных отношений, которые формируют научные практики. Конечная цель этого исследования – создать такое знание, которое осознает свою специфичность. Делается вывод, что рассматриваемый подход

---

* Оригинальный текст был представлен в виде доклада на английском языке, прочитанного 1 ноября 2018 г. в Институте философии РАН. Перевод публикуется с разрешения автора.

не должен представлять собой релятивистскую концепцию, но должен дать возможность создать более обоснованную теорию.

Ключевые слова: феминистская теория, пол, гендер, гендерные роли, феминистская философия науки

Пять вступительных замечаний

1. Отношения между полами сегодня часто характеризуются *асимметричными структурами*¹, навязывающими различные формы дискриминации и угнетения по отношению к женщинам как в частной, так и в публичной сфере (целый ряд подобных проблем внимательно анализируется у И. М. Янг [Young, 1990]). Некоторые из этих асимметрий возникают или усугубляются в процессе экономической глобализации. В частности, к значимым можно отнести такие явления, как несправедливая оплата труда, феминизация нищеты, отсутствие равенства в образовании, насилие по отношению к женщинам, «стеклянный потолок»², унижающие достоинство женщин стереотипы по отношению к ним. В свете многочисленных видов несправедливости важно иметь в виду следующее: использование термина «гендерные отношения» исключительно в связи с сексуальными или семейными отношениями является неправомерным ограничением, поскольку все сферы жизни формируются под влиянием гендерных отношений. Это справедливо даже для тех социальных институтов, которые традиционно затрагивали представителей только одного пола (как армия во многих странах), так как сами подобные институты были основаны с учетом определенных представлений о гендерных различиях. Такая комплексная перспектива, разумеется, не предполагает, что все женщины одинаково подвержены дискриминации одним и тем же образом или в одной и той же степени (относительно термина «гендер» будет дано пояснение чуть позже).

2. *Феминистская теория*, в том виде, в котором она развивается с конца 1960-х гг., представляет собой не *один-единственный* способ мышления, а комплексный дискурс. Нам необходимо различать два аспекта: с одной стороны, все направления феминистской теории были озабочены одним – необходимостью отмены всех форм дискриминации и угнетения женщин; с другой стороны, эта озабоченность выражалась различными способами, часто совершенно несовместимыми подходами. Различия проявляются как в материале исследований, так и в методологии. Обращаясь к *глобальному измерению* феминистской мысли, мы должны помнить о следующем: жизненные ситуации женщин развивались неодинаково в разных частях света, зависели от политических и экономических структур, а также идеологических и религиозных убеждений, потому исследования, задаваемые феминистской перспективой,

¹ Здесь и далее курсив автора. – *Прим. пер.*

² Термин «стеклянный потолок» (glass ceiling) возник в гендерных исследованиях в конце 1970-х гг. Он обозначает невидимое препятствие, которое не позволяет женщинам продвигаться по карьерной лестнице выше определенного уровня, несмотря на их профессиональные качества и отсутствие формальных ограничений. – *Прим. пер.*

выявили множество разнообразных региональных проблем. Что касается теоретического уровня, то здесь феминистская теория использует или, скорее, адаптирует к своим нуждам множество наработок различных школ (философских, социологических, исторических и т. д.) с целью создания категорий, которые позволят провести скрупулезный критический анализ, способный обозначить новые перспективы развития альтернативных форм общественного устройства.

3. Какой вклад был сделан *женщинами-философами*? Важно, что скандальным образом несбалансированные гендерные отношения не появлялись на повестке философского дискурса до тех пор, пока женщины-философы не начали обращаться к ним несколько десятилетий назад (так же, как женщинам-ученым в других областях гуманитарных наук пришлось самим пойти поперек «мейнстрима» их дисциплин, указав на гендерную несправедливость). Очевидно, что те, кто сам является объектом репрессий и несправедливости, первыми наиболее остро осознают существующую несправедливость. Говоря о последствиях для философских изысканий, нужно обратить внимание на одну общую ошибку: ввести в исследования проблему гендерной асимметрии не означает создать новую поддисциплину, которую мы могли бы просто добавить к списку традиционных областей исследований, но означает бросить вызов всем существующим поддисциплинам: от философской антропологии до теории науки, этики, философии права, эстетики, философии религии и т. д. (полный обзор см. в [Nagl-Docekal, 2004]).

4. *Влияние* феминистской теории довольно широко. Поскольку вопрос о гендерных асимметриях был принят в качестве *критического инструмента*, прилагаемого ко всем сферам мысли, целый ряд дисциплин в области гуманитарных, а также естественных наук был подвергнут тщательному пересмотру. Более того, эта конфронтация имеет не только внутриакадемическое значение, поскольку каждая из сфер мысли влияет на формирование взглядов широкой публики на то, что значит быть человеческим существом.

5. В долгосрочной перспективе исследования, движимые стремлением к справедливым гендерным отношениям, – задача, которая должна решаться не только *самими* женщинами и *для* женщин, несправедливые отношения – постыдный факт, касающийся всех людей. То, что подчеркивается по отношению к *расизму*, применимо и здесь: было бы откровенно циничным оставлять задачу борьбы с дискриминацией исключительно в руках тех, кто является жертвами этой дискриминации. В современных государствах по-прежнему достаточно распространено одно отношение, которое ярко демонстрирует существующий дисбаланс: это отношение тех индивидов, которые считают себя демократами и борются за принцип равенства прав, но тем не менее забывают поддержать права женщин.

Подытоживая, можно сказать, что феминистские исследования представляют собой не завершенный проект, но проект, находящийся в развитии. В последние годы фокус этих исследований был расширен так, чтобы включить другие формы гендерной дискриминации, например по отношению к тем индивидам, которые не разделяют гетеросексуальную ориентацию, и к тем индивидам, которые описывают себя как «трансгендеров».

Почему разделение понятий «пол» и «гендер» представляется принципиальным

Одна из очевидных задач – исследование причин сохранения тех несправедливостей, о которых говорилось выше. Берясь за эту задачу, феминистская теория фокусирует свое внимание на том, как обычно соотносились биологические тела и социальные нормы. С этой точки зрения понятие «гендер» приобретает значимость. Необходимо кратко реконструировать соответствующую линию размышлений.

В лингвистике термин «гендер»³ обозначает «понимание некоторых слов как имеющих мужской или женский род» [Nicholson, 1998, p. 289]. В разных языках одни и те же объекты могли иметь разные рода: например, луна представлена словом женского рода (*la luna*) в итальянском языке и мужского (*der Mond*) – в немецком. Язык создает здесь ассоциацию конкретного объекта с символическими образами «женского» или «мужского», которые сформированы специфической культурой. Это предполагает, что язык различает биологические особенности полов «мужской/женский», с одной стороны, и символические конструкции диады «фемининное/маскулинное» – с другой. Именно в связи с этим различием феминистские авторы в 1960-х гг. перенесли термин «гендер» из лингвистики в анализ общественных отношений. Они указывали, что «ассоциация специфических типов поведения с женщинами или мужчинами является такой же социальной договоренностью, какой была ассоциация специфических слов... Короче говоря, феминистки пришли к рассмотрению различий между мужчинами и женщинами как к имеющим два измерения: (1) биологическое и (2) социальное» [ibid.]. Диада «пол/гендер» была введена для того, чтобы четко обозначить это различие. Значимость последнего можно продемонстрировать, например обратившись к простому выражению «женская работа». Очевидно, что родиться с женским телом не означает быть специфически квалифицированным для выполнения определенных типов работы, например уборки по дому.

Тем не менее одно из положений в области гендерных исследований легло в основу взгляда, согласно которому обозначенная диада должна считаться устаревшей. Его разделяют, в частности, авторы, вдохновленные работами Дж. Батлер. Акцентируя тот факт, что описания биологических половых различий – «пол» – варьируются в зависимости от культурного контекста, эти авторы утверждают, что «пол» – лишь один из элементов социального конструирования гендера. Но данное утверждение основывается на недопонимании: тогда как гендерные роли действительно менялись в ходе истории, биологические различия не *создаются* различным образом с помощью описаний, зависящих от культурной среды. Я детально рассматривала этот вопрос ранее [Nagl-Docekal, 2004, pp. 1–40].

Применение различия «пол/гендер» в исследовании современного общества позволяет нам анализировать традиционные гендерные роли. Поскольку взаимоисключающие характерные образы ассоциируются с биологической

³ В русском языке используется термин «род». – Прим. пер.

диадой «женщина/мужчина», основной упор здесь скорее *нормативный*, а не просто дескриптивный: человека с раннего возраста побуждают вести себя как «настоящая девочка» или «настоящий мальчик», таким образом создавая «эмоциональное разделение труда» (используя выражение А. Хеллер [Heller, 1990]), и организовывать свою жизнь – как в публичной, так и в приватной сфере – в соответствии с таким разделением. Необходимо внимательно оценить этот раскол: хотя повседневный опыт явно указывает, что мужчины и женщины в самом деле различаются, отвечая обычным гендерным представлениям, данный факт не должен ошибочно приниматься за доказательство для теорий, утверждающих, что эти различия просто укоренены в биологии. Скорее мы должны говорить о том, что гендерные нормы в буквальном смысле были воплощены и что они сформировали наши способы социальных взаимодействий. Знаменательно и то, что гендерные роли, как это показывают исследования, весьма существенно различались в зависимости от социокультурного и исторического контекста.

В целом понятие гендерных ролей имеет несколько слабых мест. Я бы хотела отметить три основных проблемы. *Во-первых*, защитникам идеи гендерных норм присуща логическая непоследовательность, поскольку они, как правило, ссылаются на «природу», т. е. на то, что полагается ими в качестве естественной сущности «мужчины» и «женщины». Этот эссенциалистский подход не способен объяснить, как подобным образом могут быть легитимированы какие-либо социальные нормы. Сформулировать норму означает отнестись к человеческому существу как к свободному агенту, и это предполагает признание того, что человек был освобожден от естественных (природных) паттернов поведения (используя одно из выражений И.Г. Гердера). Именно потому, что мы способны рефлексировать относительно наших биологических данных, наше тело оказывается предметом принятия практических решений [Kant, 1979, pp. 13–14]. Историческое разнообразие гендерных ролей обозначает, что люди могут реагировать и реагируют на формы их тел разными способами. А значит, те, кто защищает гендерно-обусловленный общественный порядок, не могут подкреплять свой взгляд ссылкой на «замысел Природы»⁴. Используя философские термины, подобную попытку можно охарактеризовать как *натуралистическую ошибку*. Вместо этого необходима оценка всех концепций гендерных ролей в свете норм, имеющих отношение к человеческой деятельности как таковой, т. е. принципов морали и справедливости. Тем не менее, если применить эти нормы правильно, станет понятно, что идея гендерно-обусловленных социальных ролей в целом несостоятельна.

Во-вторых, сторонники идеи гендерных ролей отказываются признавать тот факт, что *индивидуальные различия* являются характерной чертой человеческих существ. Один из симптомов данной ошибки – грамматическое единственное число, которое часто используется в этом контексте: обычные ожидания по поводу того, какими «любая женщина» (a woman) или «любой

⁴ Очень точную критику позиции, предполагающей, что «социальные различия между мужчинами и женщинами по природе детерминированы биологическими различиями между ними», см. у О.А. Ворониной [Voroina, 2009, p. 253].

мужчина» (а man) должны быть или что они должны делать, оказываются бездной, в которой растворяются все индивидуальности. Таланты, интересы и склонности, которые не ассоциируются непосредственно с имеющимся идеалом, не будут поддерживаться, и их развитие будет рассматриваться как неуместное. Было создано множество унижительных выражений, таких как «синий чулок» или «женоподобный мужчина», подчеркивающих пределы социального одобрения и принятия. Таким образом, мужчины, так же как и женщины, могут предстать неполноценными людьми.

В-третьих, хотя утверждается, что гендерные клише имеют дополнительный характер, эти клише создали целые созвездия *мужского доминирования*. Это истинно, по крайней мере, по отношению к буржуазным гендерным представлениям конца XVIII в., до сих пор во многом формирующим западные общества. (Я могу сослаться только на эту традицию, хотя было бы интересно услышать, насколько те проблемы, которых я касаюсь, могут быть сопоставлены с опытом представителей разных регионов мира.) Буржуазные клише предъявляли женщинам два типа субординации: (1) в сфере семьи жена подчинялась мужчине – главе семьи; (2) в публичной сфере базовый принцип конституционного государства – самоуправление – не применялся к женщинам. Хотя государственные законы касались жизни всех граждан, женщинам было отказано в праве участия в процессе публичного принятия решений. Одним из следствий этого, сохраняющимся до сих пор, оказывается то, что, несмотря на законное применение принципа равноправия, гендерное равенство во многих областях публичной жизни все еще не достигнуто.

Еще ряд проблем возникает в связи с тем фактом, что буржуазная концепция ассоциирует диаду «Дух/Природа» с биологическими половыми различиями таким образом, что женщины рассматриваются как определяемые в первую очередь своими половыми характеристиками. Руссо предельно ясно – хотя и некритично – описал это различие в своем «Эмиле»: «Самец остается самцом лишь в некие минуты, самка остается самкой всю свою жизнь, во всяком случае все годы своей молодости» [Руссо, 1961, с. 550]. Последняя часть этого размышления выражает мнение, которое и по сей день оказывается огромной несправедливостью по отношению к женщинам. Поскольку женщины воспринимаются в первую очередь с точки зрения их сексуальной привлекательности и/или плодовитости, пожилым женщинам сложнее достигнуть достойного социального статуса. Тот факт, что процент женщин среди пожилых нищих очень высок, должен анализироваться с учетом именно данного клише. С более широкой точки зрения, позиция, ассоциирующая сексуальность прежде всего с женщинами, выступает причиной возникновения объективирующего отношения, которое не позволяет уважать женщин как самостоятельных субъектов. Множество форм унижающего женщин отношения и насилия по отношению к женщинам – включая сексуальное насилие – основаны на подобном подходе.

Негативные последствия корреляции «женщин» и «природы» также включали гендерно нагруженное понимание индивидуальности и любви. Относительно индивидуальности обычным предположением было, что мужчины – поскольку они соревнуются в публичной сфере – развивают уникальные

личностные черты (в соответствии с тем, что считается подлинно маскулинными чертами), тогда как женщины – находясь в домашней среде – остаются в пределах приблизительно однообразной идентичности. Эта асимметрия четко выражена в гегелевской интерпретации семейной пары, он пишет: «Жена не нуждается в моменте признания ее “этой” самостью...» [Гегель, 2000, с. 232]⁵. В результате возникает очевидная проблема: если женщинам отказано в том, чтобы они имели свои уникальные личностные черты, то они, строго говоря, не могут быть полностью признаны человеческими существами.

«Маскулинизация индивидуальности» имеет обратную сторону в «феминизации любви» [Lenz, 1998, p. 73]. Долгое время широко распространен был взгляд, что любящее, заботливое участие является частью женской природы. Этот взгляд, впрочем, отличается серьезными недостатками. Например, если дела по дому, которые традиционно выполнялись женщинами, считать частью женской «природы», они не будут рассматриваться как форма труда. Как хорошо задокументировано в социальных исследованиях, одним из результатов подобного понимания становится ущемление привилегий женщин на рынке труда; например, известная концентрация женщин в сфере медицинского ухода и в сервисе – областях, предполагающих, как правило, значительно более низкий доход, чем профессии, в которых традиционно доминировали мужчины. Увеличивающаяся «феминизация бедности» коренится также в недостатке признания обозначенной проблемы. Здесь необходимо тщательно отобрать аргументы. Очевидно, что забота о детях, больных и стариках – важная обязанность. Но она является *моральной* и, как любая другая моральная обязанность, касается всех людей, не только женщин. Знаменательно, что И. Кант в своей доктрине добродетелей подчеркивает: «обязанности любви» представляют собой сущностное применение морального закона, который обязателен для всех – это мой «долг делать *цели* других (если только эти цели не безнравственны) моими» [Кант, 1996, с. 495]. (В феминистском дискурсе концепция «этики заботы» много раз критиковалась с этой точки зрения как поддерживающая гендерно нагруженный взгляд на мораль.)

Феминистская критика науки

Общие замечания, сделанные выше, ложатся в основу частных исследований в разных тематических областях. Основной вопрос критического анализа таков: каким образом хорошо развитые дисциплины неявно предполагали или даже пропагандировали обыденные концепции гендерных ролей? Чтобы сфокусироваться на нескольких примерах, позвольте мне привести краткий обзор феминистских исследований естественных наук.

Во-первых, важно отметить, что феминистская критика могла опираться на *постпозитивистскую философию науки*, развиваемую Т. Куном и П. Фейерабендом, споривших с позицией, согласно которой научные теории создаются и принимаются исключительно на основе эмпирической адекватности,

⁵ Здесь нет времени рассмотреть вопрос о неспособности Гегеля понять, что его представления о семейной паре находятся в сильном контрасте с его идеей истинной любви.

и утверждавших, что имеющиеся у нас классификации не просто отражают уже категоризованную реальность, но, скорее, служат посредниками в передаче наших наблюдений мира. Дальнейшая форма контекстуализации, оказавшаяся полезной для феминистской критики, была предоставлена социологами научного знания, такими как К. Маннгейм, который утверждал, что социальная и историческая позиция тех, кто производит знание, накладывает свой отпечаток на производимое ими знание (представляется, что «неклассические» подходы в эпистемологии и философии науки, которые, как это показывает Е.О. Труфанова [Trufanova, 2015], развиваются и широко обсуждаются в последнее время в России, также могут предоставить новый инструментарий для феминистских исследований). Перенимая общие новации, феминистские авторы вводят «гендер» как специфическую категорию анализа. Они показывают, что часто те положения, которые кажутся эмпирически адекватными, на самом деле основываются на базовых предположениях, сформированных гендерными представлениями. Для того чтобы заклеить подобную гендерную слепоту, был создан термин «андроцентризм»⁶. Были обнаружены значительные несогласования, например, в сфере медицинских и фармакологических исследований. Как сообщает К. Леннон, «большинство посвященных причинам сердечных заболеваний исследований, на которые обычно ссылаются, описывают только пациентов-мужчин. Эти исследования казались эмпирически адекватными из-за предположения, что мужское тело является нормой и что разница между пациентом-мужчиной и пациентом-женщиной за исключением репродуктивной системы незначительна» [Lennon, Whitford (eds.), 1994, p. 191]. Сходным образом в поисках новых лекарств исследователи обычно работали с сериями тестов, используя в них исключительно мужчин, и ссылались на то, что женский менструальный цикл может вызвать колебания в результатах теста, тогда как в итоге, после финального одобрения, разработанные средства прописывались не только мужчинам, но и женщинам, и это часто вызывало вредные побочные эффекты. В последние годы подобная феминистская критика достигла значимого влияния: в продвинутых медицинских и фармакологических исследованиях новым стандартом стало включение в исследование специфики женского тела. Тем не менее использование этих результатов в образовании будущих врачей, медсестер и т. д. требует решения масштабных задач. Например, тот факт, что симптомы сердечного приступа могут существенно отличаться у представителей разных полов, по-прежнему не учитывается множеством практикующих медицинских работников во всем мире. (Чтобы пропагандировать исследования и информированность о подобных фактах, Медицинский университет Вены создал специальную кафедру под названием «Гендерная медицина».)

Если мы посмотрим на развитие феминистской теории науки, то встретим еще один влиятельный подход. Ссылаясь на *деконструктивистские* концепции, многие авторы предлагают рассматривать теории во всех сферах исследований, включая естественные науки, как тексты, которые следует анализировать с помощью литературной критики, изучая, в частности, используемые

⁶ От др.-гр. «ἀνήρ» – мужчина. – Прим. пер.

там метафоры и символы. Так, удалось пролить свет на ситуационность теоретических нарративов. Было подчеркнуто, что там, где сообщество исследователей состояло в основном из мужчин, гендерный жизненный опыт и субъективность мужчин обуславливала не только цели и задачи научного поиска, но также теоретические нарративы, предоставляющие объяснения. Одним из примеров была приматология, поскольку взаимодействия между особями в наблюдаемых животных сообществах обычно изображались с помощью терминологии традиционных гендерных клише, подчеркивающих мужское доминирование. Хорошо известно, что стоило таким исследовательницам, как Дж. Гудолл и Д. Фосси, начать работать в данной дисциплине, нарративы о тех же взаимодействиях существенно изменились. Относительно проблемы значимости личностных «перспектив» исследователей, был поднят вопрос о том, что все области научных изысканий оказываются «нагруженными историями» (story laden). Это утверждение имеет далекоидущие последствия, поскольку научные теории были отмечены нечувствительностью не только по отношению к гендеру, но и к этничности, классу, расе и религии.

К институциональным последствиям рассматриваемого подхода относится понятие «демократической науки», введенное для того, чтобы подчеркнуть необходимость инклюзивного реструктурирования сообщества исследователей, которое позволило бы применять множество различных перспектив, участвующих в конструировании научных нарративов. Один знаменательный пример исключения женщин содержится в обыденном образе, изображающем природу в виде женщины, с которой ученый срывает покровы. От Ф. Бэкона до Р. Фейнмана (в его Нобелевской речи 1965 г.) наука предстает как «эротическая техника, примененная к телу природы» [Harding, 1991, p. 205]. Очевидно, что эта образность не просто отображает метафорический оборот речи, не имеющий практических применений, поскольку она не оставляет места женщинам-ученым.

Не должно остаться незамеченным, тем не менее, что в ходе развития феминистской теории науки *горячие споры* не прекращались. Особенно сильные возражения вызвали две разные линии мысли. Прежде всего – утверждение о так называемом *женском способе познания*. Целый ряд авторов выражали свою критику андроцентризма, различая два гендерно зависимых типа «логики». Следуя далее за этим утверждением, авторы, вдохновленные психоаналитической теорией Ж. Лакана, такие как Л. Иригарей, Э. Сиксу и их молодые последователи, предложили рассматривать «логику» в качестве характеристики мужского мышления и изучать на контрасте женские специфические способы восприятия и выражения их восприятия, как это описано в концепте «писать белыми чернилами» [Sixous, 1981]⁷. Похожие подходы развивались со ссылкой на теорию объектных отношений – в контексте не только теории науки, но также и моральной теории, где различие двух гендерно зависимых типов подхода к морали – «перспектива справедливости против этики заботы»

⁷ Писательница и литературовед Э. Сиксу указывает на специфически женский способ письма, самовыражения, который принципиально отличен от мужского, и называет этот способ «писать белыми чернилами». – *Прим. пер.*

[Gilligan, 1982]⁸ – привлекали много внимания. Противостояния относительно этих идей относились к заметным противоречиям, вызывающим опасение, что такие эссенциалистские заявления могут отрицать возможность содержательных споров между мужчинами и женщинами, стремящимися достичь взаимопонимания. В конце концов, андроцентричные и сексистские взгляды могут показаться скорее частью «мужской судьбы», нежели историческими случайными идеями, от которых нужно отказаться. В самом деле, эссенциалистские подходы не позволяют признать тот факт, что критика гендерной слепоты уже оказалась вполне убедительной как для мужчин, так и для женщин и помогла преодолеть неуважение по отношению к разным людям.

Вторая оспариваемая позиция представляет собой пространную теорию конструирования нарратива, предполагающую, что понятие «природы» как объекта, данного науке, нужно признать устаревшим. Как утверждают эти теории, то, что мы называем «реальностью», на самом деле конституируется «концептуальными рамками или дискурсами, которые сами по себе являются исторически и социально ситуационными» [Lennon, Whitford (eds.), 1994, p. 4]. Споры вокруг этого утверждения фокусируются, в частности, на гендерной теории, в том числе работах Дж. Батлер [Butler, 1990] (и исследованиях, которые были вдохновлены ими), утверждающей, как было отмечено выше, что разделение «пол/гендер» оказывается неоправданным, поскольку наше понимание «пола» (в смысле исторически индифферентных биологических характеристик мужских и женских тел) не способно отражать, что оно конституируется через различные дискурсивные практики. В соответствии с такой точкой зрения пол оказывается «следствием дискурса». Тем не менее поскольку эта интерпретация была широко признана в качестве наиболее радикального подхода, более пристальное рассмотрение демонстрирует, что она характеризуется чрезмерным упрощением. Нужно провести четкое разграничение: хотя социальные нормы и практики действительно способны формировать наше восприятие, но утверждение, что они представляют собой язык, способный действительно создавать эмпирические объекты, явно не имеет достаточных оснований.

Важно отметить, что подобные стремящиеся к преувеличениям теории не исчерпывают всего поля феминистской критики науки, как полагали некоторые оппоненты феминистской теории, готовые выступить с разгромной критикой феминизма. Внимание в большей мере сосредоточено на текущем проекте исследований гендерных измерений основополагающих убеждений, институциональных структур, социальных отношений и идентичностей, формирующих научную практику, который нацелен на создание знания, осознающего свою специфичность. Важно, что этот подход не приводит к релятивистской концепции знания, он скорее дает шанс для построения лучше обоснованной теории. Надежда заключается в конечном счете в том, что такие отрефлексированные формы исследования будут способны создать общественное устройство, основанное на полной инклюзии женщин на равных правах с мужчинами.

Пер. с англ. Е.О. Труфановой

⁸ Критический анализ данного тезиса Гиллиген был дан автором ранее, см.: [Nagl-Docekal, 1997].

Список литературы

- Гегель, 2000 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Кант, 1996 – *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Сочинения: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1996. С. 224–543.
- Руссо, 1961 – *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. Книга V // *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 545–750.
- Butler, 1990 – *Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y.: Routledge, 1990. 272 p.
- Cixous, 1981 – *Cixous H.* The Laugh of the Medusa // *New French Feminism: an Anthology.* N. Y.: Schocken Books, 1981. P. 245–264.
- Gilligan, 1982 – *Gilligan C.* In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. 184 p.
- Harding, 1991 – *Harding S.* Whose Science? Whose Knowledge? Thinking from Women's Lives. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1991. 336 p.
- Heller, 1990 – *Heller A.* The emotional division of labour between the sexes // *Feministische Philosophie / Ed. by H. Nagl-Docekal.* Wien; München: Oldenbourg, 1990. P. 229–243.
- Kant, 1979 – *Kant I.* Idea for a universal history from a cosmopolitan point of view // *Immanuel Kant on History / Ed. by L.W. Beck.* Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1979.
- Lennon, Whitford (eds.), 1994 – *Knowing the Difference: Feminist Perspectives in Epistemology / Ed. by K. Lennon, M. Whitford.* N. Y.: Routledge, 1994. 316 p.
- Lenz, 1998 – *Lenz K.* Romantische Liebe – Ende eines Beziehungsideals? // *Liebe am Ende des 20. Jahrhunderts. Studien zur Soziologie intimer Beziehungen.* Opladen: Leske und Budrich, 1998. P. 65–85.
- Nagl-Docekal, 1997 – *Nagl-Docekal H.* Feminist Ethics: How It Could Benefit from Kant's Moral Philosophy // *Feminist Interpretations of Immanuel Kant.* University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1997. P. 101–124.
- Nagl-Docekal, 2004 – *Nagl-Docekal H.* Feminist Philosophy. Boulder, Co: Westview Press, 2004. 250 p.
- Nicholson, 1998 – *Nicholson L.* Gender // *A Companion to Feminist Philosophy.* Malden: Blackwell, 1998. P. 289–297.
- Trufanova, 2015 – *Trufanova E.* Epistemology and Philosophy of Science in Present Russian Philosophical Thought: Soviet Roots and Current Status // *Archivio di Storia della Cultura.* 2015. Vol. XXVIII. P. 261–287.
- Voronina, 2009 – *Voronina O.* Has feminist philosophy a future in Russia? // *Signs: Journal of Women in Culture and Society.* 2009. Vol. 34. No. 2. P. 252–257.
- Young, 1990 – *Young I.M.* Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.

What does feminist theory of science seek to achieve?***Herta Nagl-Docekal***

Austrian Academy of Sciences. 2 Dr. Ignaz Seipel-Platz, Vienna, 1010, Austria; e-mail: Herta.Nagl@univie.ac.at

Five introductory remarks explain the conception of feminist theory, emphasizing that this research project does not represent one single way of thinking but a complex discourse that focuses on the fact that, in all spheres of life, the relations of the sexes tend to be marked by asymmetrical structures imposing discrimination and oppression on women. As the intro-

duction further points out, the aim of feminist theory is not to establish a new academic discipline, but rather to introduce the concern for just relations between the sexes as a critical tool to be applied in the whole range of the humanities as well as the natural sciences. Explaining the relevance of the “sex/gender” distinction, the second part of the paper discusses the ways in which bodies have commonly been related to social norms. As critical analysis shows, any conceptions of a gendered social order are based on a naturalistic fallacy, and fail to acknowledge that individual distinction is a characteristic feature of the human being. The paper further highlights that traditional ideas of distinct gender roles have entailed the notorious feminization of poverty. A summary of the development of the feminist critique of the sciences points out how this critique is based on general “non-classical” approaches to epistemology and philosophy of science, from post-positivist conceptions through deconstructivism. Discussing the controversies between different feminist approaches, the paper addresses the flaws of exaggerated constructivist claims and emphasizes that the core concern of the ongoing project is to examine the gendered dimensions of background beliefs, institutional structures, and social relations that shape scientific practice, with the aim to yield knowledge that is cognizant of its particularity. As the paper finally underscores, this approach does not result in a relativistic conception but rather fosters the chance for a better-argued theory.

Keywords: feminist theory, gender, sex, gender roles, feminist philosophy of science

References

- Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990. 272 pp.
- Cixous, H. “The Laugh of the Medusa”, in: *New French Feminism: an Anthology*, ed. by E. Marks, I. de Courtivron. New York: Schocken Books, 1981, pp. 245–264.
- Gilligan, C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women’s Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. 184 pp.
- Harding, S. *Whose Science? Whose Knowledge? Thinking from Women’s Lives*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1991. 336 pp.
- Hegel, G.W.F. *Fenomenologiya dukkha* [Phenomenology of Mind]. Moscow: Nauka Publ., 2000, 495 pp. (in Russian)
- Heller, A. “The emotional division of labour between the sexes”, in: *Feministische Philosophie*, ed. by H. Nagl-Docekal. Wien – München: Oldenbourg, 1990, pp. 229–234.
- Kant, I. “Idea for a universal history from a cosmopolitan point of view”, in: *Immanuel Kant on History*, ed. by L.W. Beck. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1979.
- Kant, I. “Metafizika нравов” [The Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Sochineniya v 8 tomakh* [Collection of Works in 8 volumes], vol. 6. Moscow: Choro Publ., 1996, pp. 224–543. (In Russian)
- Knowing the Difference: Feminist Perspectives in Epistemology*, ed. by K. Lennon, M. Whitford. New York: Routledge, 1994. 316 pp.
- Lenz, K. “Romantische Liebe – Ende eines Beziehungsideals?”, in: *Liebe am Ende des 20. Jahrhunderts. Studien zur Soziologie intimer Beziehungen*, ed. by C. Hahn and G. Burkart. Opladen: Leske und Budrich, 1998, pp. 65–85.
- Nagl-Docekal, H. “Feminist Ethics: How It Could Benefit from Kant’s Moral Philosophy”, in: *Feminist Interpretations of Immanuel Kant*, ed. by R. May Schott. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1997, pp. 101–24.
- Nagl-Docekal, H. *Feminist Philosophy*. Boulder, Co: Westview Press, 2004. 250 pp.

Nicholson, L. "Gender", in: *A Companion to Feminist Philosophy*. Malden: Blackwell, 1998, pp. 289–297.

Rousseau, J.-J. "Emil', ili O vospitanii" [Emile: or On Education], in: J.-J. Rousseau, *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961, pp. 545–750. (In Russian)

Trufanova, E. "Epistemology and Philosophy of Science in Present Russian Philosophical Thought: Soviet Roots and Current Status", *Archivio di Storia della Cultura*, 2015, vol. XXVIII, pp. 261–287.

Voronina, O. "Has feminist philosophy a future in Russia?", *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 2009, vol. 34, no. 2, pp. 252–257.

Young, I.M. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 pp.